

О ЛОПАРСКИХ ЖИЛИЩАХ

ерейдем теперь к описанию частной жизни лопарей, остановимся сперва на важнейших предметах их повседневного обихода, познакомимся с главнейшими их занятиями и промыслами, посмотрим, чем заполняют они свой досуг, как отдыхают и развлекаются.

В первую очередь мы займемся описанием жилищ и одежды лопарей, их пищи, промыслов и т.п. Собственно говоря, лопари совершенно не имеют постоянных жилищ, какие мы видим у прочих северных народов, а кочуют с места на место, разбивая по мере надобности лишь временные, переносные жилища.

Еще Герберштейн в своем "Описании Московии" говорил о лопарях: "У них нет постоянных жилищ, они бродят с места на место, занимаясь рыбной ловлей и охотой". "Лопари часто переносят свои дома", – пишет Циглер, а Дамиан Гоен добавляет: "Они не нуждаются в домах, т.к. вечно кочуют с места на место".

В 1602 г. указ короля Карла IX положил конец свободному кочевью лопарей по всей области, отведя отдельным семьям (родам) определенные участки, в пределах которых им разрешалось переходить с места на место.

Привожу подлинные слова королевского указа: "Повелеваем произвести по всем округам Лапландии опись болот, озер, рек и прочих угодий, а также поименную запись тех лопарей, которые извлекают из них средства к существованию. Затем, сопоставив число лопарских родов с количеством вышеозначенных угодий, произвести справедливый раздел их между отдельными семьями с тем, чтобы на каждую пришлось не более того, чем она может непосредственно пользоваться. Вменяем в обязанность избрать лучших и честнейших людей для осуществления этого раздела по отдельным округам без какого-либо лицепрятия и насилия. Впредь же запрещаем лопарям переходить границы отмеренного им участка и кочевать по всей Лапландии, как это было в обычае до сего времени".

С тех пор лопари получили в пользование определенные участки и принуждены были ограничить свой кочевой образ жизни его пределами. Уступать его по собственному желанию кому-нибудь другому им было запрещено. И до наших дней они остались верными своему первобытному кочевому образу жизни, но уже в пределах выделенной им территории.

"У лопарей нет постоянных жилищ, – сообщает нам Андрей Бурей, – они разбивают свои шалаши в каком-нибудь лесу, где-нибудь над рекой, у озера или горы, занимаясь там в течение нескольких дней или недель рыбной ловлей, охотой, а затем перекочевывают на другие более удобные места". Причиной этих постоянных переходов с места на место являются поиски пропитания.

Главным источником существования лопарей являются олени, нуждающиеся в подножном корме, лесная и бо-

лотная дичь, рыба, которой неисчерпаемое множество водится в озерах и реках Лапландии. Разумеется, не всегда все это удается найти в одном и том же месте: в поисках за новыми пастбищами, рыбными угодьями и еще не распуганной дичью они и переходят с места на место. Рыба собирается в определенных местах метать икру, разные виды рыб делают это в разное время, а также часто меняют места, так что и рыбаки приходится следовать за ними. Кочуя таким образом, лопари обходят весь свой участок и иногда через год возвращаются вновь на старые места.

"Лопари перекочевывают из лесов в горы, а затем вновь возвращаются в леса в поисках подножного корма для своих оленей", – пишет Самуил Реен. Это относится к лопарям, живущим в горных областях, лесные же жители и до истечения года часто возвращаются на прежнее место, т.к. использованные оленями пастбища быстрее восстанавливаются там. Поэтому, говоря о лопарских жилищах, сооруженных на берегах рек и озер, Самуил Реен замечает что, "несколько раз в году они возвращаются к ним", очевидно в зависимости от надежд на успешную охоту и богатый улов рыбы. При этом лопари, занимающиеся преимущественно рыболовством, бродят вдоль озер и рек, стараясь уловить момент, когда рыба идет метать икру; оленеводы же зимой блуждают по лесам, а летом уходят в Норвежские горы.

Самуил Реен дает подробное описание всех перипетий этой бродячей жизни: "Зимой лопарям нельзя оставаться на горных вершинах из-за свирепствующих там бурь и громадных снегов, тем более, что в этих местах совершенно нет леса, необходимого для топлива. Поэтому зимой вместе со своими оленями они переходят в леса, где легче уследить за стадом, и остаются там почти на одном и том же месте от самого Рождества до Благовещения. С началом таяния снегов они понемногу подаются по направлению к горным областям, но весьма осторожно, чтобы не дать рассеяться оленям, которые как раз к концу этого периода, т.е. около дня св. Эрика (18 мая. – Прим. ред.) начинают тельиться. Ввиду этого они вновь задерживаются на одном месте до самой середины лета, т.е. до Иванова дня (24 июня. – Прим. ред.). К этому времени горы и особенно пересекающие их долины покрываются сочной и пышной растительностью, куда лопари теперь и направляют свои стада, следуя за ними со всей семьей и со всем домашним скарбом. В горах они поднимаются иногда даже на высокие плоскогорья и вершины, т.к. там олени спасаются от сильно надоедающего им летом "гнуса", т.е. мелкой мошкары и комаров. Блуждая в горах и горных долинах, лопари остаются там до праздника св. Варфоломея (25 августа. – Прим. ред.), после чего начинают постепенно спускаться с гор и медленно возвращаться в леса, приходя к Рождеству вновь на свои старые, прошлогодние места".

В этом подробном описании с достаточной полнотой

указаны как причины, заставляющие лопарей кочевать все время с места на место, так и отдельные периоды их кочевой жизни.

В связи с тем, что одни лопари передвигаются преимущественно вдоль рек и озер, среди лесов, главным образом сосновых, другие – в горах, шведы и норвежцы зовут первых *Graanlapper* (т.е. сосновые лопари, *graan* – сосна), а вторых *Fiaelapper* (горные лопари; *faell* – фьельды, т.е. плоскогорья).

Зимние и летние передвижения лопарей значительно отличаются друг от друга: кочуя зимой, они пользуются санями, о которых подробнее я буду говорить ниже, летом же идут пешком, навьючивая весь домашний скарб на оленей. "Все свои зимние путешествия, – пишет Иоанн Торней, – лопари совершают на оленях. Упряжка состоит из одного лишь хомута, от которого идет постромка под брюхом животного, пропущенная меж его задних ног и прикрепленная к саням... Летом они шествуют пешком, навьючивая на оленей в особого рода переметных сумах домашний скарб и детей".

Это описание дополняет Самуил Реен: "Свои жилища лопари разбирают, складывают и зимой укрепляют на санях, на другие сани укладывают всю домашнюю утварь и так перевозят их с места на место. Летом разобранный свое жилище они взваливают на седло оленя, подкладывают под него одежду, называемую *tobbis*, чтобы не повредить оленю спину, и сверху нагружают кладь, уложенную в мешки и тюки".

Шесты, о которых говорил Реен, очень тонки и скорее могут быть названы прутьями, т.к. делаются обыкновенно из еловых ветвей и располагаются в зарубке, сделанной в другой; будучи полукруглой формы, они охватывают плотно тело оленя и под животом его связываются вместе. Продолговатые тюки, о которых также была речь выше, изготавливаются из ели, выдолбленной или согнутой таким образом, что получается некоторое подобие барабана, но не круглого, а продолговатого. Дно этой кладки делается из березовых прутьев, переплетенных накрест в виде решетки, и покрывается сверху куском полотна, в который и укладываются вещи. Все это, во избежание выпадения поклажи, завертывается в бересту, в одежду или в оленью шкуру. Получившиеся таким образом тюки увязывают веревками и прикрепляют к верхнему краю вышеупомянутых деревянных шестов так, что они висят с обеих сторон по бокам оленя.

Таким способом лопари навьючивают своих оленей не только домашней утварью и вещами, но усаживают туда и детей, еще не умеющих ходить. В такой погрузке и пере-

возке лопари настойчиво соблюдают определенный порядок, от которого никто из них никогда не отступает. Впереди каравана шествует обыкновенно сам глава семьи и ведет за собой навьюченных – описанным выше способом – оленей, за ним следует его жена тоже с оленями. Далее дети или работники гонят оленью стадо. Шествие замыкает тот, кому поручена переноска волшебного барабана.

Вьючные олени идут не беспорядочным стадом, а один за другим, вытянувшись в одну линию, причем первого оленя идущий впереди лопарь ведет за веревку, обвязанную вокруг его шеи. Так двигается весь караван, пока не достигнет подходящего для стоянки места. Там делается остановка на несколько дней или недель, тотчас же разбирается палатка, заменяющая лопарям жилище.

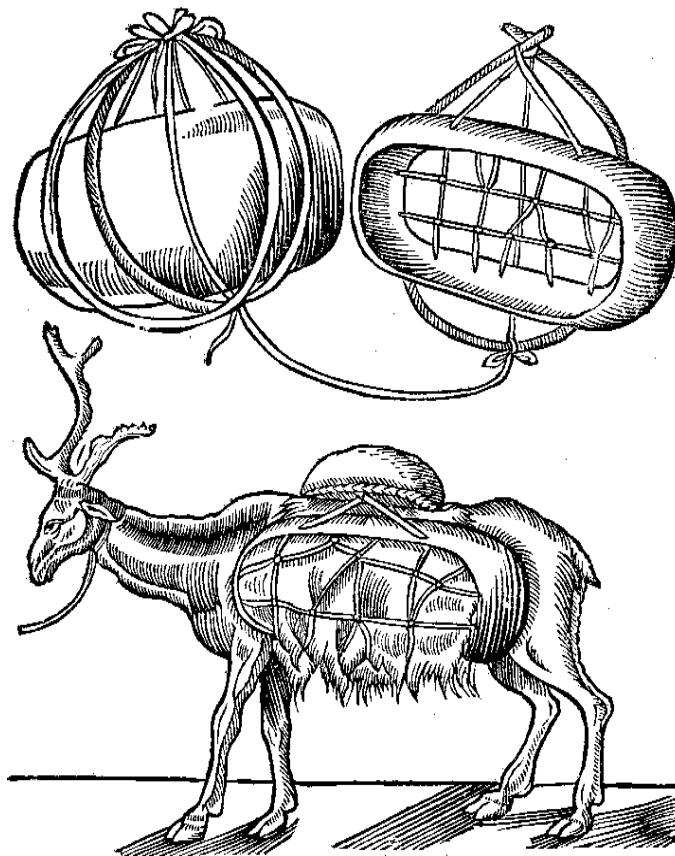
Горные лопари (*Fiaelapper*) устраивают свою стоянку иначе, чем лесные (*Granlapper*). Первые, возвращаясь на старое место лишь через год, не очень заботятся об ее прочности, вторые же стараются придать ей вид постоянного жилища. Горные лопари, уходя, разбирают ее, лесные оставляют в полной сохранности, рассчитывая скорее вернуться.

При постройке жилища сначала делается его остов. Для этой цели вбивают в землю четыре шеста по углам четырехугольника, соединяют их между собой тремя перемычками, т.е. с боков и сзади, оставляя переднюю часть, где будет вход, свободной. К этим перемычкам прикрепляют затем более длинные жерди, располагая их так, чтобы они почти сходились сверху, образуя таким образом подобие четырехгранной пирамиды. Когда такой остов готов, его затягивают специально сшитым, соответственно его форме, куском

дешевой шерстяной материи (сукна, войлока), известной в продаже под названием *Waldmar*. У более зажиточных лопарей поверх нее натягивается еще холстина для лучшей защиты от дождя и непогоды. Так устраивают свои шалаши горные лопари, которые складывают их, перекочевывая на новые места, и увозят с собой.

Лесные лопари поступают несколько иначе. Иногда они вбивают шесть сходящихся наверху шестов и кроют, образовавшуюся таким образом коническую постройку еловыми и сосновыми ветвями или же корой этих деревьев. О лопарских жилищах, крытых корою, упоминает Герберштейн: "Лопари покрывают свои шалаши древесной корой". Андрей Бурей, напротив, видел жилища, сделанные из бересты: "Вместо домов они строят себе шалаши, крытые берестой", – замечает он.

Олаф Петерсон подтверждает заявление Бурея, добавляя, что кора предварительно подвергается длительной вар-

ке для придания ей большей гибкости и податливости. Олаф Магнус прибавляет ко всем этим материалам еще звериные шкуры: "Жилищами служат им палатки, покрытые выдубленными звериными шкурами или древесной корой". То же подтверждает в описании своего путешествия и граф Ломений. Этот род построек отличается от предыдущего не только тем, что в виде покрытия никогда не употребляются ткани, но также и формой, которая в противоположность первым четырехугольным, бывает обыкновенно шестигранной.

Самуил Реен так описывает жилища лесных лопарей: "Лесные лопари (Graanlapper) строят жилища, обычно шестигранные, из жердей. Покрывают их еловыми и сосновыми ветвями, древесной корой или шкурами животных".

В дополнение к этому Вексионий сообщает о восьмисторонних жилищах, которые, по его словам, особенно часто встречаются у кемских лопарей. "Шалаши их, – пишет он, – сделанные из кольев, восьмиугольной формы. Они расширяются к основанию, а в высоту достигают пяти аршин (локтей)".

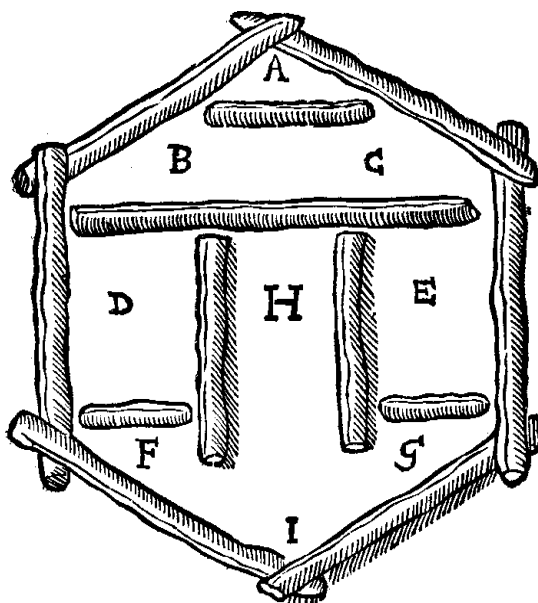
Подобные же сооружения встречаются, по-видимому, и у питеоских лопарей. "Остановившись на более долгое время, – говорит о них Олаф Петерсон, – они строят шалаши, имеющие восьмиугольное основание (фундамент), высотой около аршина".

Жилища описанного нами типа лесные лопари не разрушают, уходя в кочевье, и не увозят с собой, а оставляют на месте, чтобы воспользоваться ими на обратном пути. Для большей сохранности они лишь плотнее прикрывают их ветками, корой или шкурами. "Такие строения, – говорит Самуил Реен, – остаются стоять на берегах озер и рек в тех местах, где лопари занимаются рыболовством и охотой".

Кроме описанных нами здесь двух типов лопарских жилищ, некоторые ученые упоминают еще и о других. Так, например, Олаф Магнус пишет о них следующее: "Часть лопарей строит дома также и на деревьях, растущих в виде четырехугольника, чтобы не быть занесенными глубокими снегами и схорониться от диких зверей, рыскающих зимой громадными стаями".

Что подразумевает он под словами "на деревьях, растущих в виде четырехугольника", мне непонятно. Вероятнее всего, он имел в виду деревья, растущие группой, расположенной так, что стволы их могут служить четырьмя ребрами для жилища, устроенного на их ветвях. Однако из других источников мне не приходилось ничего слышать о таких жилищах. У одного лишь Тацита есть указание на то, что "финны живут на ветвях деревьев", что, вероятно, и послужило источником таинственного сообщения Магнуса.

Циглер говорит еще о четвертом виде жилищ, а именно о телегах или кибитках, но это совершенно неверно, т.к. подобные способы передвижения вовсе незнакомы лопарям,

рям, да и не нужны им в их странах, покрытой скользким льдом и глубокими снегами. Эта неудачная подробность была внушена Циглеру, очевидно, воспоминанием о других кочевых народах, в частности же о кочевниках по степным пространствам Скифии.

Наконец, еще и пятый вид, о котором рассказывает Павел Иовий, является лишь случайным, а не характерным для них или же распространенным среди тех только лопарей, которые живут в пределах Московии. "Логовища этих людей, – пишет он, – землянки, устланные сухими листьями, или дупла деревьев, выжженные огнем или выгнившие естественным путем". Таким образом, заканчивая

этот перечень, мы убеждаемся, что только описанные нами два типа лопарских жилищ являются достоверными и пользуются широким распространением в Лапландии.

Возвращаясь к ним, заметим, что все они имеют обыкновенно две двери, одну спереди жилища, а другую сзади. Передняя большая дверь предназначена для повседневного обихода; через нее входят в дом и выходят из него наружу, задняя же – маленькая служит для особых целей и через нее не разрешается проходить женщинам.

Самуил Реен говорит, что через нее бросают в шалаш пищу, в особенности же дичь, пойманную в лесах, убитых на охоте животных, а также улов рыбы. Пронести все это через главную входную дверь считается нечестивым. Запрещение женщинам ходить через нее объясняется тем, что задняя сторона дома считается у лопарей священной. Как было сказано выше, позади лопарского жилища помещается обыкновенно идол Тора, там же совершаются жертвоприношения. Кроме того, лопари считают, что присутствие женщины приносит неудачу в охоте.

Несомненно, об этой же двери говорится и у Циглера: "Женщине не полагается выходить через ту дверь, из которой мужчина отправился на охоту". Вексионий называет ее "окном", т.к. она, действительно, по большей части бывает открыта и через нее в дом проникает дневной свет. "Дверь жилища невелика, – сообщает он, – и тотчас закрывается за входящим. Напротив нее находится окно, через которое входят мужчины, возвращающиеся с охоты, таща за собою туши убитых оленей. В загородке под окном, ширина которой один аршин, а длина около трех, они складывают все свое охотничье снаряжение, и в нее не разрешается входить женщинам".

Ввиду известного уже нам поверья о неудаче, приносимой женщиной, понятно, почему она не допускается в эту часть дома. Что касается употребленного им слова "загородка", то его не следует понимать в нашем смысле – ограниченное со всех сторон пространство, т.к. ничего подобного нет в лопарских жилищах, это просто часть жилища, отграниченная от остальной почти условно – одними только прутьями. Здесь будет уместно сказать несколько слов о внутреннем устройстве лопарского дома. В центре его расположен очаг, укрепленный со всех сторон камнями.

Самуил Реен останавливается на этом несколько подробнее: "Посередине их дома на очаге постоянно поддерживается огонь, за исключением полуночи. Во избежание пожара он ограждается со всех сторон камнями".

Позади очага в направлении, противоположном входу, часть жилого помещения отгораживается тремя шестами, образуя тот запретный задний угол, о котором мы только что говорили. Там же находится и малая дверь, через которую входят охотники, называемая лопарями "posse". Отгороженный угол носит у них название "lops".

В противоположной стороне открывается главная входная дверь – "ох". Главная дверь обыкновенно обращена на юг, а малая (posse) – на север. "В доме две двери, – пишет Олаф Петерсон, – одна, предназначенная для всеобщего пользования, обращена к югу, другая – к северу. Боковые части жилища называются "doide". В них помещаются постели, с одной стороны, хозяина с женой и их детей, с другой – слуг и служанок.

Продолжая свое описание, Олаф Петерсон говорит: "В таком доме спит вся семья, с одной стороны отец с матерью и дочерьми, с другой – слуги и служанки". Как видно, он упоминает здесь лишь о дочерях, спящих вместе с родителями, вероятно, оттого, что, оберегая их целомудрие, родители стараются держать их поближе к себе и не спускать с них глаз, сыновья же спят вместе со слугами.

Пространство, остающееся между очагом и входом, отдается в распоряжение женщинам. В нем же во время родов помещается и ложе роженицы. Для большей ясности сделанного нами описания мы прилагаем набросок внутренней обстановки лопарского жилища.

Пол жилища устилается обыкновенно березовыми ветвями, чтобы он не так размокал от дождевой воды. На них кладут олени шкуры, на которых лопари и сидят, и спят. "Взамен пола, – отмечает Самуил Реен, – лопари устилают свое жилище березовыми ветвями во избежание грязи, а

поверх веток кладут одну или две олени шкуры, на которых и возлежат".

Таковы жилища лопарей, в которых они проводят большую часть своей жизни и которые сохранили свое первобытное устройство вплоть до наших дней. Кроме них у лопарей есть еще некоторые сооружения, служащие для хранения запасов пищи, главным образом рыбы, оленьего мяса и т.п. По-лопарски они называются "kitta".

Самуил Реен описывает их устройство следующим образом: "Лопари срубают верхушку дерева, оставляя один ствол высотой около 4–5 аршин над землей, и на нем укрепляют крестообразно два бревна, на которых стоит амбарчик, крытый жердями с закрывающейся дверью". Эти амбары сильно напоминают наши голубятни, и дверь в них делается не сбоку, а в полу, наподобие люка, закрывающегося над головой спускающегося с дерева лопаря. В этот воздушный амбар они взбираются по приставной лестнице, сделанной из простого бревна с глубокими зарубками на нем вместо ступенек. К такому способу хранения своих запасов лопарям приходится прибегать потому, что медведи и россомахи очень любят лакомиться мясом и выжидают лишь удобного момента, чтобы расхитить их запасы.

Для того чтобы звери не могли вскарабкаться по стволу дерева, они обмазывают его жиром, отчего он становится скользким. "Со ствола ели или сосны, – пишет Олаф Петерсон, – на котором выстроено хранилище запасов, сдирают кору и делают его таким образом скользким, иногда же еще смазывают его жиром, чтобы ни мыши, ни дикие звери не могли по нему взобраться и проникнуть в хранилище".

Вероятно, именно эти воздушные сооружения и внушили Олафу Магнусу мысль о том, что лопари строят жилища на деревьях, спасаясь от диких зверей". Ради полной ясности в этом вопросе прилагаем изображения лопарских жилищ и амбаров.

